

ОЙКОНИМНЫЕ СИНТАКСЕМЫ: ОСОБЕННОСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ
ОЙКОНИМНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ (ТЕРРИТОРИЯ СЛОБОЖАНЩИНЫ)

В статье проанализированы названия поселений, образованные на основе двусловных (реже – с тремя словами) номинационных моделей. Выявлено ойконимную сочетаемость обозначаемого и определения; рассмотрено обратный порядок слов, который определяется моделью «имя существительное + имя прилагательное»; выявлены регулярные структурно-семантические оппозиции.

Ключевые слова: ойконимные словосочетания, номинационные модели, структурно-семантические оппозиции, атрибутивные компоненты.

УДК 801.561.3:811.111'23'367

Ирина Морозова
(Одесса)СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕШТАЛЬТ ЛИЧНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО ЭТИКЕТА

У фокусі статті – кореляція між вербальною саморепрезентацією особистості мовця і поверховою структурою його мовлення в ритуалізованому спілкуванні. Автор розглядає національний мовленнєвий етикет як особливу вербальну техніку оптимізації мовленнєвої комунікації. Використання в роботі гештальт-аналізу уможливило виявити приховані механізми розкриття істинної особистості мовця шляхом визначення домінантних синтаксичних структур у його мовленні.

Ключові слова: комунікація, гештальт, мовленнєвий етикет, соціальна мімікрія, поверхова структура речення, ментальна структура.

*Language is the dress of thought.**(S. Johnson)*

Представленная работа посвящена вопросу наложения речевых этикетных норм диалогического общения на вербальную саморепрезентацию говорящего. Известно, что вербальные характеристики участников диалогического общения представляют собой «переплетение индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей» [1, с. 192]. Американский психолог Дж.У. Пеннебакер даже разработал особую систему статистических закономерностей для создания психологического личностного портрета оратора по удельному весу употребления в речи определенных лексических единиц [21].

С другой стороны, в целях повышения степени эффективности речевого общения в коммуникативной практике используют техники вербальной адаптации сообщения к его восприятию слушателями определенной социальной или половозрастной категории. Такие механизмы речевого приспособления мы рассматриваем как *вербальную мимирию*.

Актуальность темы исследования вытекает из лингво-гносеологической необходимости проникновения в когнитивно-коммуникативную сущность вербальной саморепрезентации личности, мотивируется отсутствием серьезных разработок в этой области, а также практическими потребностями распознавания вербальных механизмов «маскировки» языковой личности.

Объект исследования – английский речевой этикет как общественный регулятор речевого межличностного взаимодействия в художественном диалоге. **Предмет** –

речезтикетные конструкции в персонажных партиях современного англоязычного романа, употребляемые в функции вербальной мимикрии личностных характеристик говорящих.

Цель исследования – выявить специфику и особенности интерференции клишированных речезтикетных форм на языковой портрет виртуального коммуниканта в процессе персонажного диалогизирования.

В ходе работы решались **задачи**: конкретизировать универсальное понятие мимикрии, выявить доминирующий тип мимикрии в ритуализированном общении, раскрыть механизм функционирования вербальной мимикрии для нивелирования межличностного социального и гендерного диссонанса.

Материалом исследования послужили 252 ритуализированных персонажных диалога, отобранных методом сплошной выборки из 10 современных разножанровых англоязычных романов.

В своей работе мы исходили из следующих посылок. Каждая языковая личность наделена набором определенных вербальных характеристик, индивидуализирующих ее речь. Такая речевая девиация в пределах одного и того же языка обусловлена как социальными и гендерными характеристиками данной личности, так и условиями, в которых протекает общение. Иными словами, любой коммуникант в обществе наделен своим, более или менее легко узнаваемым, речевым портретом. Этот портрет не является статичным. Некоторые черты его способны меняться по желанию говорящего или подсознательно, а также в зависимости от социальной роли, которую он играет в данный момент. С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что, несмотря на отмеченные выше различия, в речи индивидуума существуют неизменные вербальные «якоря», позволяющие воспринимать собеседника как отличную от других языковую личность. Вспомним известную легенду о том, как к мудрецу Сократу привели странника и попросили высказать о нем свое мнение. Мужчина молчал. Сократ долго смотрел на него и наконец обратился к пришедшему со следующими словами: «Да заговори же ты, наконец, чтобы я мог тебя узнать!» [5, с.56]. Е.С. Кубрякова рассматривает выражение индивидуального видения мира говорящим как особую лингвокреативную функцию языка [8].

Как известно из философии, «любому образу мира, неважно, простому или сложному, сознание способно поставить в соответствие целостный феномен, называемый гештальтом этого образа» [16, с. 53]. Развивая философские концепции немецких ученых М. Вертгеймера [22] и К. Эренфельса [17], современная наука понимает гештальт как сфокусированное, живое восприятие или обобщенный образ чего-либо. В философском понимании любое гештальт-образование есть качественно новая производная его гештальт-качеств. При этом, целостное гештальт-образование богаче, чем сумма его составляющих [19, с. 41; 24, с. 104]. Комплексный гештальт объекта познается посредством изучения его фигур в разных проекциях, которые составляют органическое целое «тела» гештальта. Преломляя данное положение к задачам настоящего исследования, необходимо признать, что многомерный гештальт каждого *homo lingualis*, существующего в определенном культурно-языковом сообществе, представлен в виде различных фигур, проявляющихся в проекциях условий коммуникации.

В любом языке существует варьирование в рамках одного общества и одной культуры, которое зависит от конкретных ситуаций общения и отношений между говорящим и слушающим [18; 12, с. 206].

Отсюда, *рабочей гипотезой* исследования послужила посылка о возможности изменения личностного речевого портрета говорящего с целью оптимизации процесса коммуникации. Одним из путей достижения успеха в процессе диалогизирования мы считаем *речевую мимикрию*. Под последней в работе понимается осознанное или неосознанное уподобление собственной речи коммуникативным моделям, близким собеседнику. «Мимикрия – (англ. *mimicry* – от греч. *mimikos* – подражательный), у животных – один из видов покровительственной окраски и формы, при котором животное может стать похожим на предметы окружающей среды, растения, на несъедобных или

хищных животных» [23]. Говоря о позитивном восприятии личности, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой культуры ее речевого (и не только речевого) поведения, т.е. с соответствием поведения данной личности правилам этикета, принятым в обществе.

Речевой этикет обычно понимается как совокупность правил речевого поведения, которые представляются в микросистемах национально специфических устойчивых формул и выражений в ситуациях установления контакта с собеседником, поддержка общения в доброжелательной тональности. Эти средства вежливости «ориентированы на выражение уважения к собеседнику и соблюдения собственного достоинства» [15]. Отметим, что еще с 19 в. в известном учебнике Л. Маррейя (L. Murray) изучение форм речевого этикета рассматривалось как одно из направлений нормативной грамматики английского языка. Такой подход способствовал растущей популярности данного учебника, так как обеспечивал представителям более низких социальных кругов проникновение в более высокие слои.

Начало научного изучения вопросов речевого этикета положено еще в работах В. фон Гумбольдта, который считал соблюдение норм вербального общения обязательным условием существования человека в обществе [4, с. 345]. Будучи сложным и многогранным явлением, связанным с особенностями вербального поведения человека в процессе межличностного общения, речевой этикет охватывает лингвистический, психологический и социальный аспекты жизнедеятельности человека [7, с. 11]. При этом, лингвистический аспект подразумевает анализ речевых средств, используемых в процессе коммуникации. Психологический аспект речевого этикета изучает целевые установки участников коммуникативного акта, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности поведения и т.п. К социальному аспекту относятся статусные и ролевые отличия между людьми, которые проявляются в актах речевой коммуникации; общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения; отношение индивида к собственным и чужим моделям речевого поведения в процессе диалогизирования. Очевидно, что все три аспекта функционирования речевого этикета взаимосвязаны и взаимообусловлены. В.И. Карасик пишет, что этикет складывается из формульных моделей речевого поведения. Нарушение установленного порядка свидетельствует об изменениях в статусных отношениях или о принадлежности говорящих к другой культурной общности людей [6, с. 57–59].

Языковая личность производна от социальной сферы, в которой преломляются многочисленные и противоречивые классово-имущественные, профессионально-групповые, возрастные, этнические и прочие отношения. По словам М.Хайдеггера, «человек ведет себя так, словно он владеет языком, фактически же язык владеет человеком» [20, с. 133]. Иными словами, соблюдение речевых традиций общения адаптирует человека к условиям данной социальной среды. В то же время, диктуя участникам общения определенные ритуализированные модели вербального поведения, речевой этикет, с нашей точки зрения, является особым видом социальной маскировки, или *мимикрии*.

В настоящее время различают разные виды мимикрии, в зависимости от сфер адаптации индивида. Отдельные виды мимикрии рассматривались нами в предыдущих работах [13; 14]. В данной статье мы остановимся на *симулятивной* мимикрии (уподобление группе по принципу «свой»), так как результаты нашего исследования убедительно показывают, что именно этот вид вербальной мимикрии является наиболее частотным явлением в процессе коммуникации (66,5% от всех случаев использования мимикрии в диалоге).

Уподобление группе, т.е. социуму, позволяет рассматривать симулятивную мимикрию как *социальную вербальную мимикрию*. Сущность такой мимикрии состоит в том, что она является «...ситуативно модифицированным атрибутивным свойством человека, которое соединяет в одно целое хитрость разума и специфику её проявления в критических, опасных и сложных для человека условиях или в ситуациях» [10, с. 15]. К.Леви-Строс в своей работе «Путь масок» рассматривает социальную мимикрию как имитацию признака, двойную мораль, определенную маску-роль. Этот вид мимикрии проявляется практически во

всех областях общественной жизни и на всех этапах развития общества. Социальная мимикрия проявляется как на индивидуально-личностном уровне, так и носит социально-групповой характер [9].

Чжао Вэньцзе рассматривает социальную речевую мимикрию как «контактную подстройку» говорящего под особенности речи его собеседника. [3]. Принятый в обществе этикет вербального общения является языковой игрой, правила которой уравнивают шансы собеседников на реализацию своей коммуникативной интенции.

В то же время, анализ фактического материала убеждает, что подстраивание своего вербального поведения под речевые нормы общества разрушает личностное своеобразие говорящего, нивелируясь «кодовым предписанием», обязательным для выполнения говорящим и имеющим своей функцией поддержание порядка в системе взаимодействий [9, с. 45-56]. Сравним, как обращается официантка Сьюзи к своему бой-френду Марку (а) и важному посетителю в ресторане (б):

(a) *'Ain't you a duck of a boy to buy me this sweetie handbag?' Mark grinned.*

(b) *'Will you be seated, sir? I hope you'll feel comfortable here.'*

(K. J. Mc Pine).

Очевидно, во втором случае речь девушки звучит в соответствии с высоким рангом заведения, и догадаться о ее социальной принадлежности невозможно. Являясь пропуском в высшие эшелоны общества, фигуры речевого этикета унифицированы и надежно скрывают социальное и психологическое «я» говорящего. Вспомним хотя бы Элизу Дулиттл из известной пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Обучая простую цветочницу грамотной английской речи и светским манерам, проф. Хиггинс, строго говоря, прибегает к социальной мимикрии, которая позволяет Элизе выглядеть в обществе герцогиней.

С другой стороны, в соответствии с теорией лингвистических гештальтов, в речевом облике индивида должна проявляться некая *вербальная доминанта*, проявляющаяся во всех проекциях функционирования речевой личности. В настоящей работе внимание сфокусировано на вербальном проявлении социальной принадлежности говорящего к образованным или необразованным кругам, несмотря на соблюдение ими условностей ритуализированного общения.

Исследование речевых партий виртуальных коммуникантов в разных условиях общения позволило сделать следующие наблюдения уже только на уровне поверхностной структуры предложения. Очевидно, что изучение коммуникативных типов высказываний и их лексического состава также могло бы предоставить любопытный материал для определения вербальной доминанты речевого гештальта личности. В своей работе мы вполне осознанно ограничиваемся рассмотрением поверхностно-структурного аспекта речи говорящих. Будучи внешне незаметными, но внутренне инстинктивно распознаваемыми носителями языка, синтаксические особенности речи говорящего играют первостепенную роль в раскрытии его личности. Этот факт приобретает особое значение, если субъект по каким-то причинам прибегает к мимикрии и стремится замаскировать свою личность. На наш взгляд, преференция именно тех или иных формальных моделей речи человеком коррелируется с доминантными структурами его сознания, создавая неповторимый психологический гештальт каждого языкового индивида.

Еще в 1956 г. психолингвистические эксперименты Л.С. Выготского позволили установить взаимосвязь синтаксических структур речи и ментальных структур сознания человека. Более того, можно с достаточной достоверностью утверждать, что «...речевые структуры, усваиваемые ребенком, становятся основными структурами его мышления» [2, с. 146]. Современные исследователи в области психолингвистики рассматривают синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе [11].

Исходя из приведенных выше соображений, при анализе речевых этикетных особенностей поведения говорящих основное внимание фокусировалось на тех синтаксических особенностях их речи, которые оставались неизменными во всех ситуациях общения. В качестве проекций рассмотрения речевых партий были выделены регистры официального, неофициального

(бытового) и профессионального общения. Установлено, что на *синтаксическом* уровне индикатором социального статуса говорящего выступают конструкции, содержащие *комплексы* с неличными формами глагола. Сделано наблюдение, что образованные люди так или иначе проявляют тенденцию к употреблению структур вторичной предикации даже в ритуализированном общении, и таковые превышают количество полипредикатных построений примерно в полтора раза.

Например:

“Hi! How are ye, missy? Expect ye to have come from afar”. Nancy looked up. The boy looked a typical railway man. Still there was something unusual about him (L.Fielding).

В приведенном примере выделенная часть предложения – инфинитивный комплекс «сложное дополнение». В данной коммуникативной ситуации глава строительной корпорации пытается выдать себя за рабочего-железнодорожника. Однако, несмотря на просторечную лексику и небольшую линейную протяженность приветствия, девушка подсознательно настораживается, так как глубинное синтаксическое усложнение несвойственно истинным представителям малообразованных слоев общества (подробнее о структурно-синтаксических маркерах речи различных социальных групп см. [12]).

В попытке выдать себя за представителей высших кругов представители социально низших классов, наоборот, стремятся к употреблению сложных, в особенности сложносочиненных предложений, однако осознанно или неосознанно избегают синтаксических комплексов, крайне редко употребляемых в пределах их реальной социальной страты в естественных условиях.

Например:

(Rufus) “We are excessively glad to welcome you at this place. I understand that you are tired after a long journey and need some rest”

(Argul) “Thank you. I’m glad to find you so hospitable.” (T.Lee)

Руфус пытается выдать себя за владельца замка и разыгрывает радушного хозяина. Его речь звучит уверенно и торжественно, однако во всех речевых партиях лже-аристократа (227 речевых образцов), синтаксических конструкций со вторичной структурой предикации всего три. В речи истинного представителя знати Аргула, отличающейся краткостью выражения, синтаксические комплексы составляют примерно 21% от всех высказываний.

Таким образом, можно сделать вывод, что речевой этикет как форма искусственного сближения речевого и культурного пространства адресанта с пространством адресата является не более, чем еще одной внешней «маской», призванной скрыть социальную или психологическую сущность коммуникантов. Ментально-языковой гештальт личности при этом не меняется, проявляясь в ее речи в качестве определенных вербальных доминант. Поиск подобных доминант, или «важностей», «прегнантностей» предмета изучения, на наш взгляд, выявляет объективные критерии реальной идентичности личности говорящего. Функционируя как бессознательная организация глубинных структур ментальной деятельности, речевой гештальт каждого человека делает его узнаваемым и уникальным членом определенного языкового и национально-культурного сообщества.

Перспективами исследования представляется изучение психологического и гендерного аспектов доминанты речевых гештальтов разнополых партнеров по коммуникации, а также рассмотрение таких синтаксических проекций их речевых партий, как коммуникативные и прагматические типы высказываний. Выявление доминирующих, не зависящих от желания говорящего особенностей его речи, которые проявляются во всех регистрах и формах общения, позволило бы определить векторные смещения в фигуре языкового гештальта конкретной личности. Полученная идеальная модель будет являться мерилем принадлежности говорящего к определенной гендерной, психологической или социальной группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С.А. Основы межличностной и межкультурной коммуникации / С.А. Агапова. – Ростов-на Дону: Феникс, 2004. – 288 с.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. – 517 с.
3. Вэньцзе Чжао О языке газеты конца XX – начала XXI века / Чжао Вэньцзе // Русская речь. – № 6, 2007. – С. 66-71
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. – М.: Прогресс, 1984. – 336 с.
5. Ершов М.Б. Легенды о великих / М.Б.Ершов. – М.: «Вега», 2002. – 247с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепция, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Костомаров В. Г. Культура речи и стиль / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 69 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Леви-Стросс К. Путь масок / Клод Леви-Стросс. – М.: Республика, 2000. – 399 с:
10. Лобанова А.С. Социальная мимикрия как адаптивный способ жизнедеятельности / А.С. Лобанова. – Дисс. ... доктора социологических наук по специальности 22.00.04 – Специальные и отраслевые социологии. – Институт социологии НАН Украины, Киев, 2004. – 338 с.
11. Малинович Ю.М. Синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе / Ю.М. Малинович, М.В. Малинович // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2s (18). – Иркутск: Евразийский лингвистический институт. – С. 156-162.
12. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
13. Морозова І. Б. Маска, я Вас знаю? (Функціональні типи вербальної мимикрії в англоязычному діалозі) / І. Б. Морозова // Одеський лінгвістичний вісник: науково-практичний журнал. – Випуск №6. – Спеціальний випуск з нагоди ювілею В.Я Мізецької – д. філол. н., проф., зав. каф. іноземних мов Національного університету «Одеська юридична академія». – Національний університет Одеська юридична академія, 2015. – С. 78-84.
14. Морозова І. Б. Речевая мимикрия как коммуникативная игра: гештальт-анализ / І. Б. Морозова // Записки з романо-германської філології / [ред. І.М. Колегаєва] // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова: ф-т романо-германської філології. – Вип. 1 (34). –Одеса: КП ОМД, 2015. – С.96-108.
15. Радевич – Винницький Я. Этикет т и культура общения / Я. Радевич – Винницький. – К: Знание, 2006. – С. 136-152.
16. Чесноков С. В. Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике / Чесноков С. В. – М. : URSS, 2009. – 160 с.
17. von Ehrenfels Chr. Über Gestaltqualitäten / Chr. von Ehrenfels // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. – N 14 (1890). – S. 249-292.
18. Fisher J.L. Social influences on the choice of a linguistic variant / J.L. Fisher // Word, 1999. – 14. – P. 47-56.
19. Häffler D. Grundlagen der Theoretischen Logik und Gestaltbewegen / Häffler D. – Leipzig: Kreis, 1998. – 514 S.
20. Heidegger M. Pathmarks / M. Heidegger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 385 p.
21. Pennebaker J.W. The secret life of pronouns: What our words say about us / J.W. Pennebaker. – New York: Bloomsbury Press, 2011. – 368 p.
22. Wertheimer M. The Syllogism and Productive Thinking / M. Wertheimer // The Gestalt Journal Press. – New York, 1997. – P. 274-282.
23. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М.-С.-Пб.: Большая рос. энцикл.; Норинт, 2000. – 1434 с.
24. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост.: Губский Е.Ф. и др.] – М.: Инфра, 2003. – 576 с.

PERSONALITY'S SOCIAL GESTALT THROUGH THE PRISM OF SPEECH ETIQUETTE

The article is focused on the correlations between verbal self-representation of the speaker's personality and the surface structure of their speech in ritualised communication. The author studies national speech etiquette as a way of disguising the communicant's identity and social mimicry as a special verbal technique for optimising speech communication. The Gestalt approach used in the investigation permitted disclosing the hidden mechanisms of unmasking the speaker's true personality by means of singling out the dominant syntactic structures in their speech.

Key words: communication, Gestalt, speech etiquette, social mimicry, sentence surface structure, mental structure.

Ирина Морозова

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕШТАЛЬТ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

В фокусе статьи – корреляция между вербальной саморепрезентацией личности говорящего и поверхностной структурой его речи в ритуализированном общении. Автор рассматривает национальный речевой этикет как особую вербальную технику оптимизации речевой коммуникации. Использование в работе гештальт-анализа позволило выявить глубинные механизмы раскрытия истинной личности говорящего путем определения доминантных синтаксических структур в его речи.

Ключевые слова: коммуникация, гештальт, речевой этикет, социальная мимикрия, поверхностная структура предложения, ментальная структура.

УДК 811.111'367:17.022.1:821.111(73)

Олена Пожарицька
(Одеса)

**БАЗОВА ТАКСОНОМІЯ ЕЛЕКТРОННОЇ ЛІТЕРАТУРИ:
РОДИ ТА ВИДИ**

У статті розглядається електронна література як новий тип літератури, що став типовим для ери інформації. З'явившись із традицій друкованої літератури, вона є майже повністю залежною від комп'ютера, що мотивує необхідність виявлення нових видів літератури та її родів. Автор ставить собі за мету розкрити когнітивну сутність такої літератури та пропонує базові одиниці її таксономії. Зроблено висновок щодо існування цифрової художньої літератури, цифрової нехудожньої літератури та цифрової квазі-художньої літератури. Сюжетоспрямована художня література та сюжетонеспрямована художня література розглядаються автором як два основних види цифрової художньої літератури. Як узагальнюючі літературні роди виокремлено цифрову лірику, цифрову прозу та цифрову драму. До останньої уналежнено відеоігри з домінуючою наративністю та семантично вагомим вербальним складником.

Ключові слова: *цифрова література, цифрова художня література, цифрова нехудожня література, цифрова квазі-художня література, сюжетоспрямована цифрова художня література, сюжетонеспрямована цифрова художня література, цифрова проза, цифрова лірика, цифрова драма.*

Сегодня, в эпоху глобальной и всесторонней компьютеризации нашей действительности, когда человеческая жизнь и сама потихоньку перетекает в гиперпространство всемирной паутины, национальная литература как отражение человеческой жизни и культуры также оказывается вовлеченной в водоворот цифровых